

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2022-11-2-666-688>

ПРОБЛЕМАТИКА РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ АНТИРЕАЛИСТИЧЕСКИХ ФИЛОСОФСКИХ ТЕОРИЯХ (КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)*

ВЕРА СЕРКОВА

Доктор философских наук, профессор.
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251 Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: henrypooshel@rambler.ru

ВЕРА ЛОБАСТОВА

Кандидат философских наук, доцент.
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна.
191168 Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: beshent@bk.ru

В обзорной статье анализируются работы, посвященные проблематике реальности в современных антиреалистических теориях. Целью обзора было расширение круга исследователей, включая не только представителей аналитической философии, но и феноменологической традиции, поскольку принцип феноменологической редукции соответствует общей концептуальной установке антиреалистов, а в методологическом плане феноменология более последовательно реализует программу антиреализма. На примерах разрешения «трудной проблемы сознания» в аналитической философии и развития феноменологической установки показан принцип антиреалистической философии. Такое сопряжение двух, на сегодняшний день самых уважаемых философских школ дает возможность более точно определить вклад теоретиков обоих направлений в теорию реальности, выявить проблемные узлы, внутренние разногласия и точки пересечения идей феноменологов и представителей аналитической философии в понимании природы реальности. Работы современных исследователей проблематики реальности Ф. Бергхофера, В. Васюкова, Ю. Исихары, В. Ладова, Л. Макеевой, Р. Пилса, А. Фурсова, Д. Чалмерса и мн. др., так же как произведения Э. Гуссерля, У. Куайна, Х. Патнэма, ставшие философской классикой, позволяют с разных сторон уточнять представления о реальности,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50383.

© VERA SERKOVA, VERA LOBASTOVA, 2022

сложившиеся в антиреалистическом дискурсе. Новые исследования принципа феноменологической редукции Ю.Химанки и истоков формирования феноменологической философии Н.В. Мотрошиловой дают возможность прояснить вклад феноменологов в антиреалистическую традицию.

Ключевые слова: реальность, антиреализм, реализм, аналитическая философия, феноменология.

THE PROBLEMATICS OF REALITY IN CONTEMPORARY ANTI-REALIST PHILOSOPHICAL THEORIES (CRITICAL REVIEW)*

VERA SERKOVA

DSc in Philosophy, Professor.
Peter the Great St Petersburg Polytechnic University.
195251 St Petersburg, Russia.
E-mail: henrypooshel@rambler.ru

VERA LOBASTOVA

PhD in Philosophy, Associate Professor.
St Petersburg State University of Industrial Technologies and Design.
191168 St Petersburg, Russia.
E-mail: beshent@bk.ru

The article analyzes literature addressing the problem of reality in modern anti-realist theories. The purpose of the review is to expand the circle of researchers, including not only representatives of analytical philosophy, but also those of the phenomenological tradition, since the principle of phenomenological reduction corresponds to the general conceptual attitude of anti-realists, and in methodological terms, phenomenology more consistently implements the program of anti-realism. The principle of anti-realist philosophy is shown as exemplified in solutions of the “difficult problem of consciousness” within analytical philosophy and also in the development of a phenomenological attitude. Such a combination of two, by far the most respectable, philosophical schools makes it possible to more accurately determine the contribution of theorists of both directions to the theory of reality, to identify problematic nodes, internal disagreements and points of intersection of the ideas of phenomenologists and representatives of analytical philosophy in understanding the nature of reality. The works of modern researchers of the problems of reality R. Berghofer, V. Vasyukov, Ya. Ishihara, V. Ladov, L. Makeeva, R. Pils, A. Fursov, D. Chalmers and many others, as well as the works of E. Husserl, W. Quine, H. Putnam’s works, which have become philosophical classics, allow us to clarify the ideas about reality that have developed in the anti-realist discourse from different sides. New studies of the principle of phenomenological reduction by Yu. Himanka and the origins of the formation of phenomenological philosophy by N. V. Motroshilova make it possible to clarify the contribution of phenomenologists to the anti-realist tradition.

Keywords: reality, anti-realism, realism, analytical philosophy, phenomenology.

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-111-50383.

1. ВВЕДЕНИЕ

Целью обзора является расширение круга рецензируемой литературы по онтологической проблематике в антиреализме, включая не только аналитическую философию, но и феноменологические исследования. Принцип феноменологической редукции является наиболее последовательно осуществленным выражением антиреалистической установки в понимании реальности как конституированного в сознании предмета. Важным для понимания исходных антиреалистических интуиций является вопрос о влиянии на антиреалистическую традицию идей И. Канта. Чрезвычайно сложная структура аналитической философии, в которой сочетаются реалистические и антиреалистические концепции, требуют своего анализа и систематизации, которые мы находим, в частности, в работах Л. Макеевой, В. Васильева, Д. Чалмерса. Исследование Н. В. Мотрошиловой выявляет параллельное развитие антиреалистических идей в феноменологии Э. Гуссерля и теории *Als Ob* Г. Файхингера. Такое расширение анализируемого в обзоре материала позволяет уточнить суть антиреалистической установки в целом и показать различные варианты его концептуализации.

Цель этого обзора состоит, прежде всего, в выявлении общей для аналитической философии и феноменологии антиреалистической проблематики и в определении проблемных узлов в отношениях между феноменологией и аналитической философией.

2. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О РЕАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Реализм и антиреализм имеют глубокую историческую основу, последовательно и систематически антиреалистическая аргументация была высказана Кантом в его первой критике, она в целом определила принципы радикальной трансформации онтологической проблематики и заложила основы не-реалистической философии. В конце первой главы трансцендентальной эстетики «Критики чистого разума» Кант пишет:

...первоначально есть лишь явление [...], ничто созерцаемое в пространстве не есть вещь в себе [...], предметы сами по себе отнюдь не известны нам, и те предметы, которые мы называем внешними, суть только представления нашей чувственности, формой которых служит пространство, а истинный коррелят их, т. е. вещь в себе, этим путем вовсе не познается и не может быть познана, да, впрочем, в опыте вопрос об этом никогда и не возникает. (Kant, 1964, 135)

Для такой онтологии принципиально, что явления «не имеют существования сами по себе, вне нашей мысли» (Kant, 1964, 450)¹.

Кант преодолевает наивный натуралистический объективизм в понимании реальности и сохраняет реальность в качестве предмета не только гносеологической, но и онтологической аналитики. Как полагает А. Огнёв,

если бы Кант ограничился сферой чувственности и рассудка (феноменально-нумеральной сферой), путь к реальности был бы перекрыт. Но вещь-в-себе — это не «мимолетный призрак», и не «непосредственно-наличная данность представлений в сознании». Познающее «Я» реализует в познании «реальные отношения между вещами». (Ognev, 2012, 63, 64, 68)

П. Куслий отмечает, что значение «вещи самой по себе» Канта как «демаркационного понятия» (предела) не просто скоординировало гносеологическую проблематику, но явилось «одним из лучших примеров решения проблем, связанных с онтологией» (Kusliy, 2005, 191). Л. Б. Макеева называет две идейные тенденции в диалоге с Кантом представителей аналитической философии «лингвистическое кантианство» и «выход к объективной реальности как таковой» (Makeeva, 2013, 66).

Обнаружить «вещь в себе» можно в самых разнообразных концептуальных коннотациях: «факта»; основы референтных отношений; споров относительно того, «что есть»; в различении *reale* и *reell*; или даже в конструкциях типа *als ob*.

Идея И. Канта о конституирующей роли сознания, очевидно, повлияла на формирование антиреалистической проблематики внутри аналитической философии. Позиция антиреалистов выражается в исходной установке: реальность конструируется в структурах понимания разного уровня, в том числе теоретического и научного. Для антиреалистов очевидно, что нет удовлетворительного способа отделить реальность не только от обыденных суждений об обстоятельствах дел, но и от способов ее научной и философской интерпретации. Это ставит под сомнение возможность реалистического (объективного)

¹ Дискуссии по поводу интерпретации основных понятий Канта («явление», «феномен», «предмет», «объект») ведутся и в связи с переводом их на русский язык. Так Н. В. Мотрошилова полагает, что различение понятий «предмет» и «объект» имеет фундаментальное значение для «спецификации близких, но отнюдь не тождественных» понятий» (Motroshilova, 2017, 70). С. Л. Катречко, соглашаясь с необходимостью учитывать проведенные Кантом уточнения этих терминов, приводит примеры, свидетельствующие, что «у самого Канта это различение все же строго не проводится, и он сам нередко использует термины “предмет” и “объект” в “Критике” синонимично» (Katrechko, 2017, 77).

понимания природы мира. И уже не является парадоксом, что при врожденной спонтанной реалистической интуиции (реальность присутствует «вокруг нас» и «по ту сторону сознания») среди философов и ученых неистребимой оказывается антиреалистическая установка.

В аналитической философии антиреалистические тенденции набирают силу с 80-х годов XX в., появляются концепции Баса ван Фраассена, Яна Хокинга, Ларри Лаудана. В последнее время Д. Чалмерс, которого В. Васильев включает в «тройку самых значимых из ныне здравствующих философов» (Vasilyev, 2019, 13), «находит веские основания серьезно относиться к онтологическому антиреализму» (Chalmers, 2007, 104).

В фундаментальном труде «Научный образ» (*The Scientific Image*) Б. ван Фраассен определил основания научного реализма и альтернативного ему антиреализма. Научный реализм, согласно Фраассену, содержит изначально «наивное» утверждение (*naïve statement*), суть которого раскрывается в следующих положениях: научные законы не изобретаются, а открываются, картина, которую дает наука, — истинна, и сущности, которые в ней утверждаются, существуют (Fraassen, 1980, 6–7). Это ядро научного реализма воспроизводится во всех реалистических программах, однако в современной полемике реалистов с антиреалистами возникли многообразные вариации «сильных» и «слабых» семантических, эпистемологических и метафизических версий реализма и антиреализма (Blokhina, 2019; Vasilyev, 2009; Ivanov, 2017; Ladov, 2010a; 2010b; Makeeva, 2011; Fursov, 2013; 2015; Chalmers, 2007; Insole, 2017; Pils, 2020).

Понятие «антиреализм» возникает внутри аналитической философии. Майкл Даммит, которому приписывают изобретение этого термина, систематически употребляет его в работе «Истина и другие загадки», противопоставляя его реализму (Dummett, 1978).

В последнее время вышло много работ, освещающих сложный концептуальный порядок, сложившийся внутри аналитической философии², в том числе и в отношении реалистических и антиреалистических теорий Л. Б. Макеева показывает, насколько трудно представить аналитическую философию как единую исследовательскую программу, поскольку ее характеризует

крайняя разнородность идей, теорий, установок, методов, объединяемых сегодня под именем «аналитическая философия»; отказ от многих принципов, которые на начальных этапах этого движения составляли его философское кредо, но в последующем были признаны ошибочными; отсутствие каких-либо ясных ориентиров

² См.: (Blokhina, 2019; Fursov, 2015; Ivanov, 2017; Ladov, 2010a, 2010b; Spurrett, 2008; Lektorsky et al., 2017; Cerbone, 2017).

и представлений о том, в каком направлении следует двигаться дальше; неспособность дать адекватный ответ на важнейшие вызовы времени и др. (Makeeva, 2013, 57)

Принадлежность к реалистической или антиреалистической традиции дает возможность прояснить онтологическое содержание конкретной концепции, что определенным образом упорядочивает необозримое поле исследовательских программ аналитической философии. Однако не все так просто. Отношение к реальности как внеположенной основе представлений о ней, как правило, характеризует и реалистические, и антиреалистические теории. Но в реализме реальность доступна для познания, в антиреализме она всегда остается принципиально проблематической и гипотетической. Характеристики «реальности» оказываются размытыми и крайне противоречивыми: «сейчас терминами “реалист” и “антиреалист” охватываются сторонники и противники крайне разнообразных философских позиций» (Makeeva, 2013, 66).

Одна из задач этой статьи состоит в том, чтобы показать неопределенность границы между реализмом и антиреализмом в аналитической философии.

3. «ТРУДНЫЙ» ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ВОПРОС В АНТИРЕАЛИЗМЕ

Особенности онтологической проблематики в аналитической философии выражает так называемый трудный вопрос сознания, сформулированный Д. Чалмерсом и развернутый В. Васильевым в его монографии «Трудная проблема сознания». «Трудный» вопрос, по мнению В. Васильева, помогает выявить «наиболее значительные теоретические построения, воздвигнутые за последнее время в ходе нового осмысления онтологического статуса сознания» (Vasilyev, 2009, 39). В отличие от «легких вопросов», имеющих инструментальный характер (вопросы относительно того, как устроено сознание и его отдельные модусы), «трудный» остается открытым, — принципиально, как, например, у Р. Рорти, когда в его решении он различает эпистемологический и герменевтический подходы³, или «пока не решенными», как у Д. Чалмерса⁴.

³ Р. Рорти, иронически противопоставляя эпистемологию герменевтике как формы скрытого и откровенного «непонимания»: «Мы будем эпистемологами, если, превосходно понимая, что происходит, тем не менее, захотим кодифицировать происходящее для того, чтобы расширить понимание, усилить его, передать понимание другим или подвести под него „основания”. Мы должны быть герменевтиками, когда не понимаем, что происходит, но, будучи достаточно честны, признаем это обстоятельство» (Rorty, 1997, 237).

⁴ «Современные научные теории едва ли затрагивают действительно сложные вопросы о сознании. Нам не просто не хватает детальной теории; мы полностью в неведении относительно того, как сознание подходит к естественному порядку вещей» (“Present-day scientific

Дэвид Чалмерс в главе «Онтологический антиреализм» коллективной монографии «Метаметафизика. Новые очерки по основам онтологии» (Chalmers, 2007) предлагает перевести проблематику исследования реальности на метауровень:

Основной вопрос онтологии — «Что существует?». Основной вопрос метаонтологии: существуют ли объективные ответы на основной вопрос онтологии? Здесь онтологические реалисты говорят «да», а онтологические антиреалисты — «нет». (Chalmers, 2007, 77).

Чалмерс изобретает шкалу, на которой размещаются разные формы реализма и антиреализма в соответствии с содержанием понятия «реальность» — от тяжеловесного реализма на одном конце до ультрасильного антиреализма на другом: тяжеловесный реализм, легковесный реализм, промежуточный антиреализм, достаточно сильный антиреализм, сильный антиреализм, сверхсильный антиреализм (*heavyweight realism, lightweight realism, reasonably strong anti-realism, intermediate anti-realism, strong anti-realism, ultra-strong anti-realism*) (Chalmers, 2007, 112–114, 124, 125, 136). В своем исследовании Чалмерс анализирует обычные и онтологические утверждения о существовании (*Ontological and Ordinary Existence Assertions*) и разногласия внутри этих областей (§§ 1–4), затем характеризует онтологические принципы реализма и антиреализма (§ 5) и переходит к характеристике основных форм реализма, критикует реалистические онтологии (§§ 6–8) и, начиная с § 9, излагает преимущества антиреалистической онтологии (§§ 9–12). К реалистам Чалмерс относит Эли Хирша, Эми Томассона, Боба Хейла и Криспина Райта, статьи которых помещены в той же монографии. Себя Чалмерс определенно причисляет к антиреалистам и показывает, почему онтологический антиреализм кажется ему более последовательным. Его приверженность к антиреализму основана на том, что «концептуализированная» реальность может содержать «абсолютную область сущностей», в то время как «фундаментальная структура реальности не включает или не определяет таковую» (Chalmers, 2007, 105–106). Противоречивое единство кантовской «вещи в себе» как ноумена, демаркационного понятия, границы концептуальной полноты возможного знания о мире, не может не проявиться в любой последовательно изложенной антиреалистической теории.

Нельзя не признать, что «степени» и «варианты» (*degree, variants*) (Chalmers, 2007, 117, 118) реализма и антиреализма помогают прояснить чрезвычайно за-

theories hardly touch the really difficult questions about consciousness. We do not just lack a detailed theory; we are entirely in the dark about how consciousness fits into the natural order” (Chalmers, 1996, xi).

путанную картину внутренних отношений как внутри реалистической и антиреалистической традиции, так и между ними. Чалмерс разворачивает впечатляющую панораму «одинаково хороших фундаментальных описаний мира» (Chalmers, 2007, 118), в которой слабые варианты реализма в большей степени соответствуют онтологическим допущениям антиреализма: «упрощенный реализм и онтологический антиреализм имеют больше общего друг с другом, чем любой из них имеет общего с тяжеловесным реализмом» (Chalmers, 2007, 125). Метауровень исследования, который предлагает Чалмерс для анализа трудного вопроса, по крайней мере, показывает компромиссные и противоречивые ходы реалистических вариантов его решения.

Неразрешимость трудного вопроса сознания, имеющего онтологическую подоплеку, состоит в том, что для истинностного релевантного знания «о мире» мы должны сравнивать «то, что есть» с «тем, что мы знаем», и первое дано никак не иначе, как посредством второго, следовательно, то, что мы называем «объективным» представлением о мире, лежит не в пределах «мира вещей», не «по ту сторону сознания», а является формой сознания по существу.

С этой антиреалистической точки зрения важно понять, что значит «быть реалистом» или называться реалистом, совпадают ли эти позиции.

4. ДИСКУССИИ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ УТОЧНЕНИЯ: РЕАЛИЗМ, АНТИРЕАЛИЗМ

В 1934 году Морис Шлик, рассуждая об особенных предложениях, а именно тех, которые выражают «факты непосредственного наблюдения» (*Tatsachen der unmittelbaren Beobachtung*), еще может использовать «старое доброе выражение “соответствие с реальностью”» (*den guten alten Ausdruck „übereinstimmung mit der Realität”*) (Schlick, 1934, 85–86). Но уже Джон Остин в качестве примера заблуждения (*examples of the fallacy*) приводит случай употребления понятия «реальность» (*the case of “reality”*) (Austin, 1961, 26), а в III лекции цикла «Как делать вещи при помощи слов» предлагает «окончательно сокрушить колыбель реальности» (*to crack the crib of Reality*) (Austin, 1962, 25).

Действительно, во многом благодаря усилиям представителей аналитической философии понятие «реальность» становится не только все менее «интуитивно очевидным», но и все более бессмысленным и абсурдным (Austin, 1961, 26). Тем не менее дискуссии по проблемам реализма и антиреализма в аналитической философии набирают силу, несмотря на то что иногда отнести того или иного философа к реалистам или антиреалистам бывает крайне затрудни-

тельно. В чем состоит причина такого рода сложностей? Полемическая статья Раймунда Пилса «Ревизия научного реализма Куайна» может прояснить возникающие здесь трудности. Уиллард Куайн называл себя «научным реалистом», однако его философские взгляды менялись в ходе интеллектуального развития. Некоторые исследователи полагают, что в 40-е и 50-е годы Куайн еще не определился между реализмом и антиреализмом, другие, например А. Кескинен, Р. Фогелин, В. Ладов, определенно причисляют Куайна к антиреалистам. Р. Пилс пытается справиться с «трудностями распутывания его реализма» (*the difficulty of unravelling his realism*) (Pils, 2020, 613). Приверженность Куайна реализму должна была бы подкрепляться так называемыми «онтологическими обязательствами» (*an ontological commitment*). Пилс пишет по этому поводу:

Куайн известен тем, что критикует семантический антиреалистический подход, представители которого позволяют себе говорить о сущностях в научных теориях (например, молекулах или числах), но затем просто не принимает их всерьез. Для Куайна это вопрос интеллектуальной честности и прозрачности: говорить о сущности, пользоваться всеми преимуществами онтологии, но все же не связывать себя с онтологией — это, по его словам, «двойные стандарты». (Pils, 2020, 614)

В работе Куайна «О том, что есть» понятие «онтологические обязательства» определяется соображениями прагматики: «В той степени, в какой о принятии любой системы научной теории можно говорить как о проблеме принятия языка, в той же степени — но не больше — можно говорить о принятии онтологии» (Quine, 2003, 21). В работе «Слово и объект» Куайн описывает «причуды референции» как проблемы, связанные с «двусмысленностью терминов», их относительностью, непрозрачностью и неопределенностью (Quine, 1960, 4.1–4.7) и формулирует связанную с этим проблему неучтенных онтологических допущений⁵. Для Куайна онтологические обязательства не могут не быть «неким процессом интерпретации» (Pils, 2020, 615), правильность которой «определяется соответствующим научным сообществом в “поисках простейшего, наиболее ясного общего образца канонической нотации”» (Pils, 2020,

⁵ С проблемой неучтенных онтологических допущений связана проблема метафоричности языка. М. Р. Махаев формулирует вопрос: «...если метафора суть разновидность бессмысленных предложений, то почему они активно употреблялись в работах аналитических философов?» (Makhaev, 2015, 129) и подкрепляет его впечатляющим количеством примеров метафорических выражений Б. Рассела и Л. Витгенштейна. О метафоре как онтологическом допущении см.: (Petrenko, 2020; Mishankina, 2019; Chernavin, 2018; Lakoff & Johnson, 2003); Д. Фредериксен и Л. Крингелум о «терминологическом удушье» (*terminology asphyxiation*) (Frederiksen & Kringlelum, 2020, 17).

616). Каким образом могут быть реализованы онтологические обязательства в научной теории? На примере математики Куайн показывает, как порождаются «онтологические допущения языка теории»⁶, которые он называет «мифами»:

С точки зрения концептуальной схемы одной только элементарной арифметики рациональных чисел расширенная арифметика рациональных и иррациональных чисел имела бы статус удобного мифа, более простого, нежели буквальная истина (а именно арифметика рациональных чисел). (Quine, 2003, 22)

Такое понимание онтологии едва ли можно назвать реалистическим. Чтобы отстоять реализм Куайна, Пилс сравнивает его позицию с «прототипической семантической антиреалистической позицией» (*prototypical semantic anti-realist position*) и признается: «Удивительно, не слишком ли семантическая антиреалистическая стратегия похожа на проект регламентации Куайна?» (Pils, 2020, 618) В каком же смысле можно приписать Куайна к лагерю реалистов, если он прямо утверждает, что «вопрос о том, какую онтологию действительно следует принять, все еще остается открытым, и очевидный совет здесь — терпимость и экспериментаторский дух» (Quine, 2003, 23). В «Двух догмах эмпиризма» Куайн анализирует еще одно противоречие — между физической и философской (эпистемологической) интерпретациями:

Что касается меня, то я, как профессиональный физик, верю в физические объекты, а не в гомеровских богов и считаю научной ошибкой верить иначе. Но с точки зрения эпистемологической опоры физические объекты и боги различаются только по степени, а не по природе. Оба вида сущностей входят в нашу концепцию только в качестве культурных постулатов. Миф о физических объектах эпистемологически лучше большинства других тем, что он доказал большую эффективность, чем другие мифы в качестве инструмента для разработки управляемой структуры в потоке опыта. (Quine, 2003, 46)

Еще более утверждают наши сомнения в реализме Куайна его высказывание о реальности в работе «Тождество, остенсия и гипостазирование»:

Мы можем совершенствовать свою концептуальную схему, свою философию шаг за шагом, продолжая при этом зависеть от нее, как от опоры; но мы не можем отделить себя от нее и объективно сравнить ее с неконцептуализированной реальностью. Поэтому я считаю бессмысленным исследовать абсолютную кор-

⁶ В.Л.Васюков различает онтологическую и семантическую теории предметов, поскольку в последней они не полагаются «как обязательно реально существующие предметы» (Vasyukov, 1999, 3).

ректность концептуальной схемы как зеркала реальности. Нашим стандартом для оценки основных изменений концептуальной схемы должен быть не реалистический стандарт, стандарт соответствия с реальностью, а стандарт прагматический. (Quine, 2003,78)

Высказывания самого Куайна и комментаторов его работ дают мало оснований отнести его к представителям реалистической традиции, по крайней мере, на раннем этапе формирования его теории. Пилс, вступая в полемику с Кескиненом и Фогелином, ищет аргументы в пользу реализма Куайна в его поздних работах и задает вопрос о том, «предполагает ли он, что существование всех объектов зависит от наших теорий» (Pils, 2020, 627). Удивительно то, что, основываясь на одних и тех же высказываниях Куайна, Пилс и Кескинен приходят к совершенно противоположным выводам относительно приверженности его реализму. Кескинен утверждает, что Куайн не является метафизическим реалистом, поскольку признает, что «Понятие реальности само по себе всегда является частью теории» (Pils, 2020, 627). Пилс возражает, что

Условие независимости существования для метафизического реализма не означает, что наше описание мира должно быть независимым от нашей концептуальной структуры. Это тривиально невозможно. Метафизический реализм — это точка зрения, согласно которой существование мира и его объектов в том виде, в каком они описываются нашими теориями, не зависит от наших концептуальных рамок. (Pils, 2020, 628)

Однако это утверждение Пилса также можно отнести к тривиальным, и вряд ли какой-либо теоретик с хорошо организованным здравым смыслом не согласился бы с ним. Мир для антиреалиста существует независимо от наших теорий, но существует неразрешимым образом проблематически и гипотетически, несмотря на рост научного знания и научных достижений. Подводя итог основательным исследованиям Р.Пилса, все-таки нельзя не признать, что Куайн в них предстает философом, который скорее хочет быть реалистом, чем действительно является, его позиция как научного реалиста в конечном счете оказывается непоследовательной. В статье «Проблема реальности в аналитической философии» российский исследователь В.Ладов высказывает мысль, и нельзя с этим не согласиться, что «Спор реализма и антиреализма остается одним из наиболее принципиальных в современной философии» (Ladov, 2010b, 30)⁷. Он однозначно относит Куайна к антиреалистам: «Концепция неопреде-

⁷ Эта работа отсылает к другому исследованию этого автора, в котором анализируются ранние концепции аналитической философии (Ladov, 2010a). Ладов выявляет общую тенден-

ленности перевода является ярко выраженным примером конвенционалистской семантики, что позволяет охарактеризовать Куайна как антиреалиста» (Ladov, 2010b, 34).

В другом направлении развивается теория «внутреннего реализма» Хилари Патнэма. С реализмом Патнэма согласиться еще труднее, чем признать реализм Куайна, опять-таки несмотря на явно высказанное желание Патнэма называться реалистом. Обратимся к его работе «Вопрос о реализме», в которой обсуждаются способы понимания и описания реальности в спорах с Ричардом Рорти. Патнэм считает себя реалистом, совершающим движение от физикализма через «внутренний реализм» ко «все более реалистической» философии (Putnam, 2011, 32). Рорти, по мнению Патнэма, находится в кругу лингвистического идеализма (антиреализма), он не видит необходимости различения «реального» и «мыслимого как реальное». Сам Патнэм вынужден прояснить вопрос о возможности их разделения: «Насколько “реализм” может репрезентировать фрагменты реальности, не являющиеся фрагментами мышления и языка»? (Putnam, 2011, 24) Его реалистическая позиция основана скорее на «интуиции реальности»: если отказаться от идеи о «самопрезентированности реальности» и изъять из философии это онтологическое допущение, ничего кроме «магической теории референции» получить невозможно (Putnam, 2011, 33). Но поскольку «у нас нет и не может быть “прямого доступа” к миру, лежащему *по ту сторону* языка и мышления» (Putnam, 2011, 24), реализм оказывается «некоторой трансцендентной и недостижимой “архимедовой” точкой обозрения» (Putnam, 2011, 24). А идея о зависимости истины от возможности ее верификации кажется ему «невыносимо “метафизической”» (*unbearably metaphysical*) (Putnam, 2002, 123).

В. Ладов полагает, что «в эволюции идей Х. Патнэма мы видим переход от реализма к антиреализму. Если ранний Патнэм разделял референциалистскую семантику и физикализм, то философия позднего Патнэма может быть охарактеризована как «проявление еще одной версии конвенционализма» (Ladov, 2010b, 44). Согласимся, что желание выйти за пределы «слов» и «концепций» к «реальным объектам» является у Патнэма выражением так и нереализованной реалистической теории.

Какой вывод напрашивается, когда мы пытаемся свести воедино реалистические интуиции и антиреалистическую, по сути, основу онтологии Пат-

цию в аналитической философии: «Для ранней аналитической философии характерна реалистская онтология, тогда как развитие данной традиции в поздний период проходит под знаком антиреализма» (Ladov, 2010b, 49).

нэма? По-видимому, высказывание Рорти, с которого начинается рассуждение Патнэма о реальности и которое последний находит «чудовищным», все-таки остается последним словом в этом споре реалиста и антиреалиста: «истинность или соответствие фактам — не более чем “комплименты”, которыми мы награждаем те из своих идей и придумок, что помогают нам “справляться” с реальностью» (Putnam, 2011, 22). Нет ничего более естественного, чем думать о себе как о реалисте (и здесь мы должны вспомнить трудности в преодолении «естественной установки сознания», о которых говорил Гуссерль), это относится и к обыденному сознанию, и к теоретической реалистической установке, основанной на двух основоположениях: «мир лежит по ту сторону сознания» и «научные теории предоставляют возможность понимания истинного положения вещей». Однако неразрешимость трудного вопроса сознания является не только проблемой в спорах реалистов с антиреалистами, но и внутренней проблемой обоснования реалистической научной программы. Реалистической интуиции оказывается недостаточно, чтобы выстроить непротиворечивую реалистическую теорию. Реалистические концепции с необходимостью упираются в проблему осмысления реальности, лежащей вне сознания. Это противоречие преодолевается в установках последовательного антиреализма, не связанного «онтологическими обязательствами» или «интуициями реальности». И такой формой бескомпромиссного антиреализма, на наш взгляд, является феноменологическая философия, основанная на принципе феноменологической редукции.

5. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ АНТИРЕАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Если антиреализм основывается на принципе конституирования реальности в сознании, возникает необходимость в экспликации всех следствий из этого положения. Наиболее последовательно это проделали феноменологи. Реальность репрезентируется в феноменологической теории посредством редукции, и никак не иначе⁸. Принцип феноменологической редукции направлен на устранение естественной установки сознания, что является радикальным утверждением антиреалистической позиции. Как правило, те аналитики, которые берутся разъяснить этот принципиальный пункт учения Гуссерля, вынуждены прояснить феноменологический смысл понятия «реальность». Удач-

⁸ Анализ редукции см.: (Slinin, 2017; Savin, 2016; Yampolskaya, 2017; Cerbone, 2017).

ный опыт в этом отношении осуществил финский феноменолог Юха Химанка в статье «Редукция на практике: на основе реального достижения редукции как очевидности в лекциях “Идеи феноменологии”» (Himanka, 2019)⁹.

Важно отметить, что Ю.Химанка находит в развитии феноменологической аналитики момент, когда принцип редукции становится очевидным для самого Гуссерля. Химанка буквально фиксирует этот день — 2 мая 1907 года — и обращает внимание на то, что Гуссерль приходит к «открытию» редукции не сразу, часть его работ написана, как это ни покажется странным, с позиции критикуемой им «естественной установки». Понимание текста как «до-феноменологического» — это не вопрос хронологической последовательности «Гуссерлианы», но осознание Гуссерлем значения принципа редукции как онтологического и начало его систематического применения в своей аналитике. Ю.Химанка утверждает: редукция была для Гуссерля «по существу непредвиденным событием» (Himanka, 2019, 15). Это связано с тем, что естественная установка сознания — «сильная модель» реальности, «кажущаяся очень естественной» (Himanka, 2019, 16). В естественной установке сознание моделирует реальность, но только сам процесс этого моделирования ускользает, не становится для него очевидным, сознание как бы просыпается во втором акте производства реальности. Процедура осуществления феноменологической редукции накладывает запрет на то, чтобы сравнивать «реальность саму по себе» с «реальностью в сознании», поскольку и первая, и вторая являются продуктом рефлексии. В таком случае феноменологическая концепция может быть признана последовательным вариантом антиреалистической философии. Однако «внешняя реальность» («сами вещи») в феноменологии не отсекаются как «лишние сущности», они открыты ноэтическому конституированию и ноэматическому наполнению.

⁹ О том, каким онтологическим смыслом наполнена идея феноменологической редукции, свидетельствует словарь основных терминов и понятий, подготовленный Н.А.Артемко к изданию «Идей феноменологии» Гуссерля на русском языке. Вот только некоторые понятия из списка, имеющие онтологическую основу: *Aussending* (внешняя вещь); *Naturobjectitäten* (естественные объектности); *Dinggegenstand* (вещь-предмет), *Einfach dasein* (быть просто наличным); *Erscheinung* (явление); *Gegebenes* (данное); *Gegenständlichkeit* (предметность); *Gegenwärtiges* (присутствующее); *Hinausgemeintes* (за-пределами-себя-подразумеваемое); *intentionale Inexistenz* (интенциональное существование); *Jetztsein* (бытие-Теперь); *Künftigsein* (бытие-настающим); *Sachen selbst* (сами вещи); *Selbstgegebenheit* (само-данность); *Selbsthaben* (само-наличие); *Transzendentes* (трансцендентное); *Vorgegebenheit* (пред-данность); *Wirklichkeit* (реальность, действительность) (Artemenko, 2008, 215–220).

Принцип редукции является основой феноменологической философии. Герберт Шпигельберг определяет «феноменологию в строжайшем смысле (так, как она была постепенно сформирована Гуссерлем)» как теорию, в которой ее основоположник «задействует специальную операцию, названную “феноменологической редукцией”» (Spiegelberg, 2002, 24). Тем не менее следует отметить, что среди тех, кто объявляет себя феноменологом, всегда находятся такие последователи Гуссерля, которые стремятся вернуть реальности ее «исходное значение». В статье Ю. Исихары анализируется концепция «пробужденного реализма» (*awakened realism*) Нисиды Китаро, одного из японских последователей Гуссерля. Исихара определенно относит Китаро к последователям трансцендентальной философии: «следуя в важных направлениях по стопам Канта и Гуссерля, Нисида пытается продвинуть трансцендентальный подход еще дальше, в конечном итоге оставляя нас с другим взглядом на реальность» (Ishihara, 2019, 57). Исследовательница проводит важное разъяснение различия «реальности», реализующей «себя в нас», и феноменов, проявляющихся в сознании. Только в первом случае, по ее мнению, можно признать «самореализацию реальности». Возникает вопрос, приводит ли теория «пробужденного реализма» к отказу от трансцендентальной философии, или она скорее является ее радикализацией? На него нет однозначного ответа. Возможно, позиция «пробужденного реализма» предполагает совершение следующего (постгуссерлевского) шага и согласие принять редуцированную реальность (*reell* сознания) именно как реальность, которая обозначается неискаженным термином, возвращающим ей, так сказать, до-феноменологическое онтологическое достоинство (*reale*). Этот шаг может отбросить нас к позиции наивного реализма, но, с точки зрения Исихары, может привести к прорыву в феноменологической аналитике, поскольку «пробужденный реализм» призван восстановить «фундаментальный смысл реальности» (Ishihara, 2019, 83).

Следует признать, что феноменологическая гносеология разработана наиболее полно и последовательно, онтология включается в феноменологическую теорию не как предметно-объектная корреляция, не как «вещь-в-себе», не как референтное отношение, но как ноэтический тематизированный в редукции «фрагмент смыслов», о котором можно договариваться, в том числе и на концептуальном уровне. Остается вопрос: какое место в феноменологии занимает эпистемологическая проблематика? Этот вопрос важен, поскольку именно эпистемология могла бы стать общей платформой для взаимодействия представителей аналитической философии и феноменологов.

6. О ВОЗМОЖНОСТИ «ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ» ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Имеет ли феноменология эпистемологическое измерение? В работах Гуссерля «Философия как строгая наука» и «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» эпистемологическая проблематика вынесена в их названия. В статье «Ноэтика Гуссерля — в направлении к феноменологической эпистемологии» Филипп Бергхофер подчеркивает: «Чтобы быть окончательно наукой, феноменология должна быть эпистемологией», более сильным является утверждение, что «эпистемология нуждается в феноменологии» (Berghofer, 2019, 121). Бергхофер считает, что «существует особый феноменологический способ делать эпистемологию» (Berghofer, 2019, 121). В феноменологии решение этого вопроса определено «принципом всех принципов». Основываясь на первой книге «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии», Бергхофер проясняет его значение как принцип очевидности¹⁰. Очевидность для Гуссерля — это «качество данности» (*quality of givenness*) (Berghofer, 2019, 126). Бергхофер приводит примеры различных модусов, в которых являются вещи: можно предполагать, что перед нами стол, можно вспоминать этот предмет, воображать его, он может явиться даже в галлюцинации. Способы данности определяются характером очевидности многообразных модусов сознания, не сводимым к простым видам восприятия. Гуссерль, по мнению Бергхофера, ставит фундаментальный эпистемологический вопрос: как «субъективность может привести к знанию об «объективных объектах» (*objective objects* — Berghofer, 2019, 127). Бергхофер приходит к выводу, что «Гуссерль не только проложил путь к феноменологической эпистемологии, но и задал конкретные аспекты понимания в этой области» (Berghofer, 2019, 132). Последняя часть статьи Бергхофера посвящена анализу эпистемологической проблематики в современной аналитической философии. Он полагает, что в определенном смысле она развивается параллельно феноменологической традиции, и находит среди современных аналитических философов тех, кто разделяет многие идеи гуссерлевской эпистемологии (напр., М. Хьюмер, Э. Чуднофф, Дж. Черч). Бергхофер выражает надежду, что в феноменологии и аналитической философии найдется много оснований для взаимного обогащения. Надо признать, что точка зрения Ф. Бергхофера представляет редкий случай оптимистического взгляда на возможности взаимной методологической корреляции между аналитической и феноменологической традициями.

¹⁰ См.: (Husserl, 1999, 2, § 24).

Но много важнее для феноменологии возможность говорить с представителями аналитической философии на одном, формализованном логическом языке. Работа В.Л.Васюкова «Формальная феноменология», вышедшая в 1999 году и, к сожалению, оставшаяся не замеченной «серьезными» феноменологами, является важным шагом на пути формирования общего поля взаимодействий феноменологов и логиков. Целью проекта, осуществленного В.Л.Васюковым, является «Отображение логической структуры феноменологических конструкций с помощью нового для них языка — языка неклассической логики» (Vasyukov, 1999, 4), что дает основание включить феноменологию в дискуссионное поле аналитической традиции. В этом смысле В.Л.Васюков предлагает конкретный способ реализации призыва Ф.Бергхофера ко взаимному обогащению феноменологии и аналитической философии. Логическое выражение феноменологических понятий и построение «феноменологически ориентированных формальных языков» (Vasyukov, 1999, 5) является целью «Формальной феноменологии». Это тем более важно, что в свете усложнения представлений о реальности в современных технонаучных проектах особое значение имеет проблема логического выражения идеи множественности миров (Vasyukov, 2010). Как выразить возможные, виртуальные, невозможные, возможно возможные объекты возможных миров логически? Опираясь на опыт С.Лесьневского, К.Айдукевича, У.Куайна, Я.Хинтикки, С.Крипке, Д.Скотта, Б.ван Фраассена, В.Л.Васюков анализирует способы расширения «диапазона типов онтологических объектов» (Vasyukov, 1999, 4). При этом важно движение с обеих сторон, поскольку:

Обращение логика к феноменологии в этом контексте носит не случайный характер: «независимый» анализ способен обернуться «изобретением велосипеда», если исследователь не отдает себе отчета в том, что принимаемый им понятийный аппарат давно уже (и гораздо лучше) разработан в рамках того или иного философского течения. (Vasyukov, 1999, 4)

В свете возможности феноменологии вписываться в проблематику аналитической философии и формализовать основные принципы и понятия феноменологической теории, интересно взглянуть на скрытые в феноменологии прагматические возможности, которые оказывались исторически реализованными в других нефеноменологических философских программах. В частности, это касается теории *Als Ob* Ганса Файхингера.

7. ПОРЯДОК КВАЗИРЕАЛЬНОСТИ И ПРИНЦИП «ALS OB»

Исследование Н. В. Мотрошиловой «Г. Файхингер и ранний Гуссерль: опыт не вполне обычного сопоставления» посвящено сравнительному анализу понятия «реальности» в раннем творчестве двух выдающихся философов: Ганса Файхингера и Эдмунда Гуссерля. Идея о кантианских истоках формирования антиреалистической традиции находят подкрепление в этой замечательной работе Н. В. Мотрошиловой. В последнее время заметно вырос интерес к Г. Файхингеру не только как к замечательному исследователю и комментатору сочинений Канта, основателю «Kant-Studien» (1897) и Кантовского общества (1905), но и в связи с его философией *Als Ob*, в которой радикализованы некоторые методологические принципы кантовской философии¹¹. Эта теория не случайно развивается параллельно, и, как показывает Н. В. Мотрошилова, в сложном опосредованном взаимодействии с феноменологией Э. Гуссерля. Файхингер и Гуссерль почти одновременно становятся преподавателями университета в Галле. Их ранние сочинения имеют одинаковые названия: вышедшая в 1876 году габилитационная работа Файхингера «Логические исследования. I часть» (с подзаголовком «Учение о научных фикциях») и «Логические исследования» Гуссерля. Именно в это время тема «фикций» появляется в сочинениях обоих философов: «в жестком логицистском пространстве I тома уже гуссерлевских “Логических исследований” все законы естествознания — в противовес истинам логики и математики — тоже названы “идеализирующими фикциями”!» (Motroshilova, 2016, 295). Файхингер ищет в работах Канта «важнейшие “как если бы” цитаты (*Als-Ob-Stellen*) [...], потом таких *Als-Ob*-ссылок, признается философ, накопилось на сотни страниц» (Motroshilova, 2016, 296). Работа «Философия *Als Ob*» Файхингера опубликована в 1911 году. Примерно в это же время Гуссерль разрабатывает принцип феноменологической редукции, который в определенном смысле является принципом «фикционализма». Размышления Файхингера о том, что «Такие искусственные мыслительные образования называются научными фикциями, которые благодаря их *Als-Ob*-свойствам характеризуются как продукты сознательного воображения» (Motroshilova, 2016, 305), вполне могут быть вписаны в контекст моделирования реальности в дескриптивной феноменологии Гуссерля. Автор статьи отмечает, что проблемы, на которых сосредоточился Файхингер, «являются и для Гуссерля предметом все более глубоких, поистине мучительных раздумий»

¹¹ См.: (Bouriau, 2016; Podnieks, 2021).

(Motroshilova, 2016, 295). И в первую очередь речь может идти о принципе феноменологического конституирования реальности в сознании.

Принцип *Als Ob* имеет эпистемологическое применение как в естественных, так и в гуманитарных исследованиях, в частности, в процессе реконструкции исторических событий, не имеющих достаточной источниковедческой базы, прямых исторических свидетельств или археологических подтверждений. В этом случае принцип *Als Ob* позволяет воспроизвести событие как фиктивное, воображаемое, либо как фантазматическое, как исторический вымысел, фальсификацию или как историческое заблуждение¹². Такое историческое моделирование выявляет интерпретативную (модифицирующую) основу любого рода свидетельства. В этом отношении вопрос об объективности исторического знания выступает как проблема методологического контроля над непрерывным процессом истолкования событий, в частности, определения модуса, посредством которого «реализуются» исторические факты в теории. Принцип *Als Ob*-моделирования как реализация знания в широком эпистемологическом контексте является универсальной формой любой умозрительной конструкции, как научной, так и философской. И в этом эпистемологическом контексте мы опять возвращаемся к «мифам» Куайна или к теории пролиферации Пола Фейерабенда. В любом случае такое сопоставление кантианских, феноменологических и аналитических концепций, построенных по принципам антиреалистического моделирования реальности, выявляет их общую конструктивную основу.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор включает в себя разные по времени источники, в которых так или иначе обозначена антиреалистическая проблематика. Онтологическая проблематика антиреалистической философии была задана И. Кантом, проявилась в оригинальной теории Г. Файхингера, и получила свое методологическое обоснование в дескриптивной феноменологии Э. Гуссерля. В трудах представителей аналитической философии аргументация антиреалистов формируется в тесном взаимодействии и во взаимной критике с реалистами. Среди антиреалистических концепций встречаются и «неучтенные» варианты антиреализма, как, например, конструкция *Als Ob* и феноменологические исследования. Все они, однако, проявляют суть антиреализма, — как основополагающего принципа, управляющего всем ходом аналитики (принцип феноменологической редукции) или

¹² См.: (Trufanova, 2017; Serkova, 2013; Serkova & Safonova, 2021).

как нежелательного следствия в процессе перехода от замкнутых, внутренне непротиворечивых фрагментов логического конструирования объектов реальности к вопросу о реальности как таковой (как у Куайна или Патнэма).

В современной философии мы уже не можем полагаться на некую изначальную «интуицию» реальности, как данности мира в его «до-концептуализированной» форме. Между реализмом, который настроен на поддержание этого исходного «чувства реальности», и программным антиреализмом, как показывает Д. Чалмерс, могут находиться промежуточные формы, в которых онтологическая проблематика вытеснена на периферию аналитики. Очевидно, что вариативность реалистических и антиреалистических позиций набирает силу. Возможна ли плодотворная дискуссия между реалистами и антиреалистами в прояснении природы реальности? Е. О. Труфанова полагает, что «в подавляющем большинстве случаев споры между реалистами и антиреалистами являются спорами между реалистами разного типа или реалистами относительно разных классов объектов» (Trufanova, 2017, 62). Нам кажется более убедительной позиция противоположная: разные варианты реализма выражают, по сути, антиреалистическую позицию, поскольку реальность для реалистов всякий раз оказывается «ускользающей» (Trufanova, 2017) или «исчезающей» (Karpenko, 2015). К. Инсол полагает, что противопоставление реализма и антиреализма имеет смысл в области искусства, но не работает в когнитивистике, в онтологической, эпистемологической и семантической моделях реальности: «неясно, что именно (если вообще что-то) стоит на кону в дебатах» (Insole, 2017, 242).

Существуют разнообразные формы квазиреалистических конструкций по принципу *Als Ob*-моделирования, имеющих прагматическое значение «научных фикций», позволяющих концептуально оформлять представления о событиях, недоступных опытному подтверждению. К такого рода конструированию знаний относится история как реконструкция определенного набора культурных артефактов и свидетельств. Такое конструирование реальности возвращает нас к идеям антиреализма, заложенного в учении о ноэме как демаркационном пределе знаний в критической философии И. Канта.

В обзоре проанализированы исследования, раскрывающие сложную основу антиреалистических теорий и выявляющие сложности в их интерпретации. Нельзя не отметить, что противопоставление реалистических и антиреалистических программ имеет смысл только тогда, когда базовые принципы принимаются как основы теории, и не жертвуются на каком-нибудь этапе аналитики реальности.

REFERENCES

- Artemenko, N. (2008). Dictionary of Basic Terms and Concepts Used by E. Husserl in Lectures. In N. Artemenko (Trans.), *Husserl E. Ideya fenomenologii: Pyat' lektzii* (215–220). Rus. Ed. St Petersburg: Gumanitarnaia akademiia Publ. (In Russian)
- Austin, J.L. (1961). The Meaning of a Word. In J.O. Urmson & G.J. Warnock (Eds.), *Philosophical Papers* (23–43). Oxford: Oxford University Press.
- Austin, J.L. (1962). *How to Do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University* (J. O. Urmson & M. Sbisà, Eds.). Oxford: Clarendon Press.
- Berghofer, Ph. (2019). Husserl's Noetics — Towards a Phenomenological Epistemology. *Journal of the British Society for Phenomenology*, 50 (2), 120–138. <https://doi.org/10.1080/00071773.2018.1525798>
- Bouriau, C. (2016). Hans Vaihingers die Philosophie des Als-Ob: Pragmatismus oder Fiktionalismus? *Philosophia Scientiae*, 20 (1), 77–93. <https://doi.org/10.4000/philosophiascientiae.1156>
- Blokhina, N. (2019). Analytical Philosophy in the Search for Self-Determination. *Filosofskii zhurnal*, 12 (1), 159–170. (In Russian)
- Cerbone, D. (2017). Phenomenological Method and the Achievement of Recognition: Who's Been Waiting for Phenomenology? In G. D'Oro & S. Overgaard (Eds.), *The Cambridge Companion to Philosophical Methodology* (295–316). Cambridge: Cambridge University Press.
- Chalmers, D. (1996). *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. New York: Oxford University Press.
- Chalmers, D. (2007). Ontological Anti-Realism. In D. Chalmers, D. Manley & R. Wasserman (Eds.), *Metametaphysics New Essays on the Foundations of Ontology* (77–129). New York, Oxford University Press.
- Chernavin, G. (2018). *Incomprehensibility of the Self-Evident*. St Petersburg, Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Dobrosvet Publ. (In Russian)
- Dummett, M. (1978). *Truth and Other Enigmas*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Fraassen, B. van. (1980). *The Scientific Image*. Oxford New York: Clarendon Press Oxford.
- Frederiksen, D., & Kringelum, L. (2020). Five Potentials of Critical Realism in Management and Organization Studies. *Journal of Critical Realism*, 20 (1), 18–38. <https://doi.org/10.1080/14767430.2020.1846153>
- Fursov, A. (2013). *The Problem of the Status of Theoretical Knowledge of Science in the Controversy Between Realism and Anti-Realism*. Moscow: Izdatel' Vorob'ev A. V. Publ. (In Russian)
- Fursov, A. (2015). Contemporary Disputes Between Realism and Anti-Realism. In D. Dorofeev (Ed.), *Filosofia nauki* (181–198). Moscow: Yurait Publ. (In Russian)
- Himanka, J. (2019). Reduction in Practice: Tracing Husserl's Real-Life Accomplishment of Reduction as Evidenced by his "Idea of Phenomenology Lectures". *Phenomenology & Practice*, 13 (1), 7–19. <https://doi.org/10.29173/pandpr29371>
- Husserl, E. (1999). *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. First Book: General Introduction to a Pure Phenomenology* (A. Mikhailov, Trans.). Rus. Ed. Moscow: Dom intellektual'noi knigi Publ. (In Russian)
- Insole, C. (2017). Realism and Anti-Realism. In W. J. Abraham & F. D. Aquino (Eds.), *The Oxford Handbook of the Epistemology of Theology* (242–259). New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199662241.013.21>
- Ishihara, Y. (2019). Nishida Kitarō's Awakened Realism. *Metodo. Special Issue*, 1 (3), 57–84. <https://doi.org/10.19079/metodo.s1.3.57>

- Ivanov, D. (2017). Criticism of Metaphysics in the Context of Discussions on Realism and Anti-Realism. *Filosofskii zhurnal*, 10 (1), 35–47. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2017-10-1-35-47> (In Russian)
- Kant, I. (1964). *Critique of Pure Reason*. Vol. 3 (N. Losskii, Trans.). Rus. Ed. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
- Karpenko, A. (2015). In Search of Reality: Disappearance. *Filosofskie nauki*, 20, 36–81. (In Russian)
- Katrechko, S. (2017). Commentary to the Text by N. Motroshilova. In S. Katrechko (Ed.), *Transtsendental'nyi povorot v sovremennoi filosofii (2)* (74–78). Moscow: Fond TsGI, Izd-vo RGGU Publ. (In Russian)
- Kusliy, P. (2005) The Thing Itself in the Concepts of Kant and Quain. In T. Dlugach & V. Zhuchkova (Eds.), *Forum molodykh kantovedov* (190–200). Moscow: IFRAN Publ. (In Russian)
- Ladov, V. (2010a). Ontological Problems in Analytical Philosophy. *Epistemology and Philosophy of Science*, 1, 84–97. (In Russian)
- Ladov, V. (2010b). The Problem of Reality in Analytical Philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii*, 4 (12), 30–49. (In Russian)
- Lakoff, G., & Johnson, M. (2003). *Metaphors We Live By*. London: The university of Chicago press.
- Lektorsky, V. A., Pruzhini, B. I., Chertkova, E. L., Dubrovsky, D. I., Ivanov, D. V., Levin, G. D., Karpenko, A. S., Mamchur, E. A., Pirozhkova, S. V., Rodin, A. V., Smirnova, N. M., & Trufanova, E. O. (2017). “Realistic Turn” in Modern Epistemology, Philosophy of Consciousness and Philosophy of Science? Materials of the Round Table. *Voprosy filosofii*, 1, 5–38. (In Russian)
- Makeeva, L. (2011). *Language, Ontology and Realism*. Moscow: HSE Publ. (In Russian)
- Makeeva, L. (2013). Analytical Philosophy, its History and Kant. *Kantovskii sbornik*, 2 (44), 56–68. (In Russian)
- Makhaev, M. (2015). Metaphors and Meaningless Expressions: to the Factors of the Formation of Metaphorical Problems in Analytical Philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii*, 4 (32), 125–133. <https://doi.org/10.17223/1998863Kh/32/14> (In Russian)
- Mishankina, N. (2019). Ideas About Movement in Space as an Initial Conceptual Area in Russian Metaphorical Terminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologii*, 61, 70–97. <https://doi.org/10.17223/19986645/61/5> (In Russian)
- Motroshilova, N. (2016). H. Vaihinger and Early Husserl: Experience Not Quite Usual Comparison. *Horizon. Studies in Phenomenology*, 5 (2), 290–307. <https://doi.org/10.18199/2226-5260-2016-5-2-290-307> (In Russian)
- Motroshilova, N. (2017). Why is it Absolutely Necessary and How Preliminary Textual Work on the Basic Concepts of “Criticism of Pure Reason” by I. Kant is Possible. In S. Katrechko (Ed.), *Transtsendental'nyi povorot v sovremennoi filosofii (2): kantovskoe yavlenie, ego ontologicheskii i epistemicheskii status* (68–73). Moscow: Fond TsGI, Izd-vo RGGU Publ. (In Russian)
- Ognev, A. (2012). Kant's Theory of Reality in the Understanding and Evaluation of Hartmann. *Kantovskii sbornik*, 1 (39), 62–69. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2012-1-7> (In Russian)
- Petrenko, M. (2020). Empirical Theory of Truth as the Ontoepistemological Basis of Cognitive Theory of Metaphor: Critical Analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofii. Sotsiologii. Politologii*, 53, 13–19. <https://doi.org/10.17223/1998863Kh/53/2> (In Russian)
- Pils, R. (2020). Quine's Scientific Realism Revisited. *THEORIA*, 86, 612–642. <https://doi.org/10.1111/theo.12273/>
- Podnieks, K. (2021). Philosophy of Modeling in 1870s: A Tribute to Hans Vaihinger. *Modern Computing*, 9 (1), 67–110. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.13745.99684>

- Putnam, H. (1977). Realism and Reason. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 50 (6), 483–498.
- Putnam, H. (2002). *The Collaps of the Fact/Value Dichotomy and Other Essays*. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press.
- Putnam, H. (2011). The Question of Realism. *Εφημερίδα*, 1 (3), 20–36. (In Russian)
- Quine, W. (1960). *Word and Object*. New York, London: The Technology Press of The Massachusetts Institute of Technology.
- Quine, W. (2003). On What there is. In V. A. Surovtsev (Ed.), *From a Logical Point of View. 9 Logico-Philosophical Essays* (7–23). Rus. Ed. Tomsk: Publishing House Tomsk University Publ. (In Russian)
- Rorty, R. (1997). *Philosophy and the Mirror of Nature*. Rus. Ed. Novosibirsk: Publishing House of Novosibirskii University Publ. (In Russian)
- Savin, A. (2016). Criticism of Naturalism and Transcendental Turn in Phenomenology (Concept of the Epoche and Reduction in Husserl’s “Idea of Phenomenology”). *Vox. Filosofskii zhurnal*, 12 (21), 1–12. <https://doi.org/10.24411/2077-6608-2016-00019> (In Russian)
- Serkova, V. (2013). Method of Constructing a Historical Event in the Work of L. N. Gumilev “In Search of a Fictional Kingdom”. *NTV SPbGPU Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2 (172), 88–94. (In Russian)
- Serkova, V., & Safonova, A. (2021). Biography as a Historical Problem. *Voprosy istorii*, 2, 146–159. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202102Statyi17> (In Russian)
- Schlick, M. (1934). Über das Fundament der Erkenntnis. *Erkenntnis*, 4, 79–99.
- Slinin, Y. (2017). Effects of Phenomenological Reduction, *Vestnik SPbGU. Filosofii i konfliktologii*, 33 (4), 490–527. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.410> (In Russian)
- Spiegelberg, H. (2002). *The Phenomenological Movement: A Historical Introduction* (M. Lebedev & O. Nikiforov, Trans.). Rus. Ed. Moscow: Logos Publ. (In Russian)
- Spurrett, D. (2008). Why I am not an Analytic Philosopher. *South African Journal of Philosophy*, 27 (2), 153–163.
- Trufanova, E. (2017). Elusive Reality and Social Constructs. *Filosofii nauki i tekhniki*, 22 (1), 61–77. (In Russian)
- Vasilyev, V. (2009). *A Difficult Problem of Consciousness*. Moscow: Progress-Traditsiia Publ. (In Russian)
- Vasilyev, V. (2019). Metaphilosophy: History and Prospects. *Epistemology and Philosophy of Science*, 56 (2), 6–18. <https://doi.org/10.5840/eps201956222> (In Russian)
- Vasyukov, V. (1999). *Formal Phenomenology*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Vasyukov, V. (2010). Virtual Objects, Intentional Objects, and Possible Worlds. In E. Dragalina-Chernaya (Ed.), *Vozmozhnye miry. Semantika, ontologiiia, metafizika* (120–137). Moscow: Kanon+ Publ. (In Russian)
- Yampolskaya, A. (2017). Phenomenological Reduction as a Technique. *Voprosy filosofii*, 2, 195–205. (In Russian)